

Надежда Моргунова

Дом, которого нет

Надежда Моргунова

Дом, которого нет

<https://litres.ru/74005528>

SelfPub; 2026

Аннотация

Для тех, кто привык читать сладкую ложь, есть полно - другой литературы. Сказочной. Про любящих матерей, благородных мужей и справедливое наследство. Читайте на здоровье. Это не ко мне.

Моя книга — другой мир. Здесь нет сказок. Здесь есть пожар. Приют. Земля, которую продали чужим, пока свои сидели голодные. Здесь бабка предлагает внуку отречься от матери. Здесь муж ставит выбор: сын или мотоцикл. Здесь государство думает, что помогают родственники, а родственники думают, что помогает государство. А человек горит. И никто не помогает.

Это не развлечение. Это история одного дома. Это правда, которую тащили в себе триста лет и шесть поколений тихонько жили, будучи наследниками одного из самых знатных родов на земле.

Книга читается в обе стороны.

От начала до конца.

И от конца до начала.

Ты можешь начать с любой точки, всё-равно попадёшь в цель. Потому что это не просто история. Это лабиринт. Это зеркало. Это правда, которая не зависит от порядка страниц.

Наслаждайтесь.

Надежда Моргунова

Дом, которого нет

Часть 1.

Плачу каждое 9 мая.

Меня уже ругали родственники: мол, хватит сырость разводить. Но я всё равно сегодня ревела.

Услышала гудки машин, вышла на балкон — а там целая колонна. С флагами, с песнями. Пели «Матушка». Я стояла и плакала, не могла остановиться.

Потому что в моей семье выкосило почти всех. У бабули погибло 5 братьев. И её отец. Почти весь род вырезали под корень. Осталась одна маленькая, перепуганная бабулька. Которая выжила чудом.

И теперь я — её продолжение. Я помню всех. И каждый

год 9 мая я оплакиваю их, не в силах сдержаться.

Часть 2.

Момент узнавания.

Он был умным. Немного безумным. Из тех, кто видит дальше других и говорит быстрее, чем думает.

Когда я встретила его, то сразу поняла: мы похожи. Не внешне — по сути. По ритму мыслей, по жару внутри. По той особой искре, которую трудно объяснить словами. Увидеть равного — это редкий дар.

Спасибо, что в нужный момент мы встретились. Это осталось со мной навсегда.

Часть 3.

Продюсер, который менял маски.

Однажды меня познакомили с продюсером. Известным. Сказали — он тот самый, кто сделал звезду первой величины. Певицу, которая сейчас танцует на верхушке Музыки. Девушку, чьи треки слушает вся страна.

Сам продюсер был скромн, но не прост. Он не называл своего настоящего имени. Он брал псевдоним — то как город, то как планета.

Я тогда подумала: может, он просто не хотел, чтобы его искали?

А может, он сам не знал, кто он на самом деле.

Но я знала. Я знала, что пришла к нему не за славой. А за поддержкой. И я её не получила.

Мою историю он не услышал. Но теперь её слышат другие. И этого достаточно.

Часть 4.

Я просто вышла. Я просто рассказываю свою историю.

Часть 5.

День, когда всё изменилось.

Однажды я пришла на работу — всё как обычно. Поднимаюсь, открываю дверь... а за столом моего начальника сидит совершенно незнакомый человек.

Я замерла.

Мне отвечают, на мой немой вопрос, но почему-то, шепотом: «Это наш новый директор».

Я стояла и не могла понять. «А где?»

Мне так просто и ответили: «Его сняли с должности».

Вот так. Без предупреждений, без разговоров. Просто вчера он был, а сегодня его уже нет. А за его столом уже сидит кто-то другой.

Именно в тот день я поняла, что в этом «богатом доме» нет ни стабильности, ни уважения, ни памяти. Здесь ты — просто функция. Сегодня ты нужен, завтра тебя нет. И это было только начало.

Часть 6.

Рыжий парень.

Я училась с ним в одной школе. Обычный рыжий мальчишка.

А потом я ушла, поступила в колледж как мама и хотела: на бухгалтера. И позже мне сказали: «А ты знаешь? Он...».

Я долго думала — почему? Может, неразделённая любовь? Мне так казалось. Просто по-детски, наивно.

А потом, спустя годы, я узнала правду. Его травили. Жестоко, беспощадно, толпой. И когда я, в ужасе, рассказала об этом своей лучшей подруге... она равнодушно сказала: «Он сам виноват».

Я запомнила эти слова. И тот холод в глазах.

Теперь я знаю: травля — это не шутка. И те, кто говорит «сам виноват», — они тоже часть этой машины.

Светлая память тебе, рыжий мальчик по кличке «Гордей», ты был веселым и милым. Я тебя помню.

Часть 7.

Последние три тысячи.

Я выбирала дом. Около Истры. Огромный загородный проект — красивый, светлый, с панорамными окнами и воз-

духом. Я знала, что денег на него нет. Но мне очень хотелось просто посмотреть. Просто увидеть, как выглядит мечта.

Я заплатила за поездку около трёх тысяч — последние, честно. И поехала. Одна.

Таксист, внимательно изучив точку на карте, не спросил у меня ни слова — ни зачем я туда еду, ни кто я такая. Он просто сказал, думая, что я не слышу: «Вот, дом она захотела».

Я услышала. И знаете что? Я не обиделась. Я запомнила.

Потому что когда-нибудь я действительно куплю дом. Может, не этот. Может, ещё лучше. И никакой таксист мне этого не запретит.

Часть 8.

Я была тем человеком, который встречал «стартапы».

Они заходили в эти двери с горящими глазами. У них были идеи, надежда, дрожь в голосе от предвкушения чуда. Я видела их улыбки, когда они шли на встречу. Я была первым человеком, кто видел их огонь.

А потом я же провожала их обратно. Тех самых людей. Уже без огня. Без улыбок. Со слезами. Расстроенных. Пустых.

Они шли за поддержкой в «богатый дом», «фабрику стартапов». А уходили — уничтоженные. Потому что внутри этого золотого фасада не было ничего. Только холод. Только ложь. Только желание выкинуть тебя за порог и забыть.

Я запомнила их всех. Я помню их глаза. Я помню их слёзы.

Я точно знаю: этот «дом» ответит за каждую загубленную надежду. За каждую растоптанную идею. За каждые глаза, которые потухли в этих коридорах.

Я — Хранительница. И я помню всё.

Часть 9.

Настоящий профессионал всегда видит потенциал.

Он не боится, что кто-то окажется умнее, быстрее или талантливее. Потому что он сам — величина. Его масштаб не требует принижать других.

Тот, кто брал меня на работу, — он увидел. Не просто «сотрудника на должность». Он увидел равного человека. Того, кто может отразить великую суть. Он не кричал об этом на каждом углу. Он просто знал.

Истинное величие всегда спокойно. Оно не орёт о своей значимости — оно просто есть. Оно не унижает — оно поднимает.

Если человек велик, он и тебя считает великим. А если он видит в тебе только угрозу, раба или крепостного — он расписывается в собственной ничтожности.

Я запомнила урок. Я запомнила, как выглядит настоящий профессионал. Именно поэтому я теперь знаю, чего стою сама. И за это спасибо.

Часть 10.

Я пришла в эту компанию «стартапом».

Пройти отбор было проще простого: я свободно владею английским языком, всю свою жизнь его изучаю!

У меня не было ни одной выпущенной песни. Ни бюджета. Ни связей. Ни поддержки. Только настоящий, живой проект. «Надежда Придёт». Я сама была тем стартапом, который они якобы ищут.

Они называли себя «фабрикой стартапов». Громко. Богато. Красиво. Но за красивым фасадом? Единственный реальный шанс — меня — вышвырнули за порог. Лишили средств. Накануне пандемии. Обрекли на голод.

Они не просто «просрали проект».

И теперь я хочу наказания. Справедливости. Пусть они ответят за каждую минуту страха. За каждый рубль, которого не было. За каждую ночь, когда я не знала, на что мне купить кусок хлеба.

Я хочу, чтобы их «богатый дом» рухнул. Чтобы их имена стали синонимом позора. Чтобы каждый из них знал: это — за меня. За мой талант. За мою правду.

Я строю свой Дом. А Вы пусть — разгребаете руины.
Без меня. Без моей правды. Без моей надежды.

Часть 11.

Мой «дом» «подожгли» клоуны.

Они думали, из пепла ничего не создаётся. Но когда че-

ловек рождается, он тоже приходит в этот мир без ничего. Моим навыкам выживания позавидовали бы книги «Как выжить в Арктике». И я уверена, я и там уговорю белого медведя меня спасти. Ведь звери добрее некоторых людей.

Но вы проиграли на стадии планирования этого «гениального плана». И уже сами отгрёбаете по полной. Вам не удерживать этот красивый фасад.

Нельзя выкинуть из системы то, что не вами в систему загружено.

Часть 12.

Я всех посылаю на Икс. Это моя философия.

Я больше не играю. Ни в ваши игры, ни в ваши правила. Я устала.

Отец умер. И я поняла: молчать больше нельзя. Но и тратить слова на тех, кто не слышит, — тоже нельзя.

Так что я всех посылаю на Икс. На перекрёсток. На пере-
чёркивание.

А сама иду дальше. В свой Дом.

Часть 13.

Кто-то из прежнего окружения скажет: «Ты изменилась».

У меня к вам встречный вопрос. А что вы вообще знали
или знаете реально о моей жизни?

Я никак не могу понять. Вы меня реально знали? Хотели
узнать? Хотели понять?

Я для вас — «неформатный сотрудник», которому офис-
ные тётки завидуют, что у неё «угги» все в стразах. А я их
нашла у ближайших мусорных баков, потому что денег на
зимнюю обувь у меня никогда не было.

Вот и всё знание. Вот и вся ваша «забота».

Так что да, я изменилась. Я перестала быть удобной. И это — лучшее, что со мной случилось.

Часть 14.

Меня не нанимали. Я досталась по наследству. Как крепостная.

Не нужна была. Не вписывалась. Не формат.

Со мной не церемонились. Меня можно было выкинуть за дверь в любой момент. Что и было сделано.

Когда я по наивности спросила совета, потому что почувствовала в человеке ум и интуицию, — я услышала лишь жестокую ложь и получила нож в спину.

И когда вы спрашиваете: «За что тебе всё это?» — зачем вы спрашиваете? Вы сами не помните, что сделали буквально вчера?

А я помню всё. И теперь строю свой Дом. Без господ. Без барина. Без вашего разрешения.

Крепостная освободилась. И теперь пишет летопись своего триумфа.

А вы — вы вынуждены это читать.

Потому что не читать вы уже не можете.

Часть 15.

Мне всегда была нужна работа. Я всегда старалась справиться с тем, чем занималась. И у меня — официально — 4 образования.

Навыков работы — много. Я не только «сотрудник», но и владелец собственного музыкального лейбла, официально зарегистрированного в США. И на мои авторские права не стоило бы покушаться.

Я просто вышла и рассказываю вам свою историю. Вы видели только песни ранее. Спрашивали: «А где же весёлые треки?» А я не знала, что ответить на этот вопрос.

Это не сказки Бабы Фисы на лавочке. Сказки Бабы Фисы мы оставим руководителям высоких кабинетов банков, которые раз в год собирают таких, как я, «малышей», чтобы мы послушали о силе наших всемогущих брендов. И на собрании запрещали нам мыслить негативно. Иначе ничего «не выстрелит».

А я выстрелила. Без ваших брендов. Без ваших разрешений. Своей правдой. Своим трудом. И это — только начало.

Часть 16.

Внимательно смотрю на картинку. Что вижу?

Просто какие-то чёрные камни. Как вы любите говорить: «Они никуда не денутся». Или это то самое, что «валяется» у любой обочины?

А что, если я скажу, что это самый что ни на есть чёрный, редчайший бриллиант?

И да, скорее всего, камень не будет кричать о своей ценности. Но, честно, вряд ли он не знает.

Он просто лежит там, где его положила жизнь.

Часть 17.

Пока вы сидели в своём болоте, я училась.

Тратила на педагогов суммы, которые люди обычно не вкладывают в хобби. Зарабатывала сама. На пункте выдачи в подвале собственного дома, ночами за стойкой консьержа,

на двух-трёх работах одновременно. Я всю жизнь трудилась на самых обычных земных должностях — ассистент, кадровик. Мать мечтала сделать из меня бухгалтера, и у неё получилось: я действительно освоила эту профессию.

Когда банки отказали мне в кредите на похороны, я встала и вышла на ещё одну работу. Теперь я продаю мебель, дистанционно. Потому что надо. Потому что я не умею сдаваться.

Мой педагог учил саму Кристину Агилеру в колледже Universal в США в начале нулевых. Это мировой уровень. Но всё, что вы смогли разглядеть, — это маленькую Надю на должности с зарплатой, которую вы за вечер оставите в ближайшем ресторане.

В этом вся разница между вами и мной. Я строю. Вы болтаете.

Часть 18.

Не легла ни под одного продюсера. Поэтому и никому не

известна.

Мне говорили: «Будь удобной. Улыбайся. Делай, что скажут. И тогда, может быть, тебя заметят».

Я не легла. Ни под одного. Ни за деньги, ни за связи, ни за обещания «сделать звездой».

Я осталась собой. Со своими 235 песнями, своим лейблом, своим голосом.

И да, меня не крутят по радио именно сегодня. Меня не зовут на большие сцены именно сегодня, 8 мая 2026 года. Но я сплю спокойно. Я не продалась. Я не предала свой талант ради места в чужой тусовке.

Моя известность или неизвестность — это моя свобода, мой выбор, если хотите. А она стоит дороже любых гонораров.

Так что да, я никому не известна. Зато я — настоящая. И это мой выбор.

Часть 19.

Почувствовала себя звездой телеэкранов не ниже Филиппа Киркорова.

У нас завелись свои папарацци. Следят за каждым шагом, выглядывают из-за угла. Видимо, я теперь главная звезда этого района.

Только вот гонорары мне забыли начислить. И красную дорожку не постелили. И контракт на миллион не подписали.

Так что, дорогие мои, следите дальше. Мой сериал только начинается, а вы — просто массовка и даже - не в титрах.

Ждите новых серий.

А те, кто следил — пусть задумаются, не пора ли им сменить «хобби».

Музыкальная индустрия крупных и заметных фигур не такая уж и большая - а маленькая. Нас все знают. И Вас - все знают. Поэтому, ваши «свежие идеи» и новинки по обложкам для треков мы реализовали еще в 2021 году.

Цирк.

Часть 20.

Иногда мне пишут люди. Ошибаются именем, потому что привыкли общаться со многими. Спрашивают «как дела». Говорят «сочувствую», когда узнают, что у меня умер отец.

Знаете, это почти мило. Почти по-человечески.

Вот только руки я сложила не в молитве за них. Я просто закрыла эту дверь. Потому что за ней — шесть лет обмана,

300 тысяч, грязные секреты и пустые обещания. А я теперь живу в Доме, которого нет для таких, как они.

Entry Forbidden.

Часть 21.

Игорь Моргунов. Мой отец. Гений, которого у меня украли.

Когда я была ребёнком, он впервые посадил меня за пианино. Мои ноги не дотягивались до нижней педали, и он стоял рядом и собственной ногой пытался продлить каждую мою ноту. Он стоял и играл со мной, чтобы музыка звучала дольше.

Он показал мне целую песню. Всего из двух нот. Я до сих пор её помню — «Подберу музыку к тебе, подберу музыку к дождю». Эту мелодию он написал сам. И этот дар он передал мне.

Он записал меня в музыкальную школу тайком. Без лишних слов, без разрешений — просто взял и отвёл. В шесть лет в Перово мне сказали: «У вас идеальный слух», и взяли без вопросов. Это был его триумф. И мой.

А через месяц меня оттуда забрала мать. Сказала, что у неё нет времени водить меня. Одним своим решением она удлинила мой творческий путь на несколько десятков лет. Удлинила — но не остановила.

Сегодня Игоря Моргунова больше нет. Но есть я. И есть проект «Дом, которого нет», который я продолжаю в память о своём отце, сделавшем для меня всё, что он мог. Он дал мне то, что у него было — музыку, веру в меня и свои две ноты. Теперь я строю этот Дом для нас. Для него, для сына, для будущего.

Отец, я продолжаю. Ты сделал всё, что мог. Теперь моя очередь.

Часть 22.

Я всю жизнь была девочкой, которая чего-то ждёт.

Поэтому и стала «Надеждой Придёт».

Ждала, что когда-нибудь смогу учиться. Ждала, что стану востребованной, что меня услышат. Ждала, что мне дадут шанс.

В шесть лет у меня был идеальный слух. Меня взяли в музыкальную школу без вопросов. Я могла всё уже тогда. Но мать сказала, что у неё нет времени меня водить, и забрала.

Мой бывший муж запрещал мне петь. Мать кричала: «Хватит петь!»

У меня не было шанса начать раньше. Мне никто не помогал.

В двадцать девять лет, когда они наконец отстали, я открыла свой лейбл. И люди смеялись: «В двадцать девять

только начинаешь?» Да. Потому что раньше было нельзя. Потому что я всё делала сама.

У меня 235 песен. Это не хобби. Это талант, переданный по роду. Я строю свой Дом, свой проект, свою жизнь.

Я больше не жду. Я просто иду.

И если вы тоже ждали, пока вам «дадут», — не ждите. Берите сами. У меня получилось.

Часть 23.

Он посмотрел на меня и сказал: «У меня было только два таких ученика, Вам с ним стоит познакомиться, я это устрою. Ты невероятно талантлива!»

Это было в Гнесинке. Я пришла туда сама, без музыкальной школы за плечами.

Сольфеджио я написала на 20 баллов. Проходной был 45. Я просто не знала теории — меня ей никто не учил.

Но на творческом конкурсе комиссия поставила мне высокий балл. Они видели талант. Только формальности перечеркнули всё.

Я не остановилась. Пошла учиться частным образом к Николаю Николаевичу. Тому, кто воспитал не одно поколение музыкантов. Он просто посмотрел на меня и сказал: «У меня было только два таких ученика, Вам с ним стоит познакомиться, я это устрою. Ты невероятно талантлива!»

Эти слова я запомнила на всю жизнь. Не в дипломе дело, а в даре. Упорство и вера в себя важнее любых оценок. Теперь у меня 235 песен и проект «Дом, которого нет».

Часть 24.

Всю жизнь в нищете, и это не смешно.

Тебе завидуют, потому что ты талантлива, но никто не помогает.

Это горькая ирония, над которой смеются только те, кто никогда не был на моём месте.

Я не жду больше. Я говорю сама. И пусть теперь это услышат все.

Часть 25.

Ты ничего не дал, ты ничего не получишь.

После общения со многими людьми у меня возникает ступор. У нас почему-то принято делиться, даже если сам всю жизнь без штанов.

Я тоже следовала этому правилу какое-то время. Пока проводка в моей квартире не загорелась, и я вдруг не поняла: у меня в этом мире нет ни друзей, ни родственников. Нам с сыном оказались открыты только двери храма, и то как вре-

менный вариант.

С тех пор я ничего никому не должна. И делюсь только с теми, кто сам хоть что-то дал. Остальные пусть проходят мимо.

Часть 26.

Чтобы украсть такую судьбу или пытаться её копировать в творчестве, нужно быть не просто вором, а полным идиотом.

Моя жизнь — это не лёгкий путь. Это учебник по выживанию. Тот, кто попытается присвоить его себе, просто не вывезет. Он разобьётся о мою реальность, потому что нельзя украсть то, что построено на такой боли и такой силе. Это как пытаться утащить раскалённый Нож — схватят и обожгутся.

Моя история — это не просто слова. Я переплавилась боль в песни, потерю — в проект, а предательство — в стальной щит. И тот, кто попытается это скопировать, просто не справится с такой тяжестью. Моя защита — это моя подлинность.

То, что прожито, невозможно подделать.

Они крадут слова, но не могут украсть боль. Они крадут идеи, но не могут украсть талант. Я — это я, и это главное, что не отнять.

Часть 27.

Финальный гвоздь в крышку гроба.

Они думают, что они такие крутые. Ходят, надувают щёки, строят из себя важных людей.

А рядом с ними был человек, которому реально можно было помочь. Живой, талантливый, настоящий.

И они все прошли мимо. Абсолютно все.

Мать, которая не дала учиться. Бывший муж, который воровал и запрещал петь. Директор, который выкинул с рабо-

ты. Продюсер, который не узнал в лицо.

Вы все опоздали. Вы потеряли шанс, который даётся раз в жизни. Вы просто не заметили сокровище, что стояло у вас под носом.

А я теперь сама себе хозяйка. Сама себе талант. Сама строю свой Дом, и в нём для вас нет комнаты.

Это финальный гвоздь в крышку гроба вашего лицемерия.

Спите спокойно.

Часть 28.

Лунатики.

Для семьи брата мы — как лунатики. Странные, бедные, вечно с какими-то проблемами. Но удивительное дело: они

всегда знали, что я — их. А не своих. Они принимали меня, когда свои — выталкивали. Они замечали меня, когда свои — молчали.

И сейчас, оглядываясь назад, я думаю: может, семья — это не всегда про кровь? Иногда это про то, кто тебя видит, а кто — отворачивается.

Часть 29.

Я больше не хочу носить это в себе.

Я выплеснула правду, чтобы освободить место. Для новой жизни. Для Дома. Для будущего.

Всё, что было — было. Теперь моя очередь строить.

Часть 30.

Меня, «Дом, которого нет» (а по сути — гордое, отдельно стоящее здание), приглашают сделать кавер на «Человејни-

ки».

Кажется, кто-то перепутал адреса. Но мне уже смешно.

Я, знаете ли, не размножаюсь почкованием в муравейнике. Я — особняк. На отшибе. С табличкой «Вход запрещён». И у меня даже есть балкон.

Так что кавер, пожалуй, запишу. Но только чтобы все услышали, как звучит музыка из-под собственной, отдельно стоящей крыши.

Часть 31.

«От природы».

Я ходила на маникюр к девчонке на дому. За 500 рублей делала шеллак, когда везде он стоил две с половиной – три тысячи. Так и выживала, сэкономила, но выглядела хорошо. Умудрялась.

И вот однажды моя маникюрша говорит: «Я думала, ты от природы так поёшь». Я аж переспросила: «От природы?!».

Нет, милая. Никакой природы. Одиннадцать лет обучения, гнесинка, мировые педагоги, сотни часов распевок и пустой холодильник. Вот такой «природы» дар.

Но выгляжу хорошо — это да. Спасибо шеллаку за 500 и Людке, из соседнего подъезда.

Часть 32.

Помощь, которая не дошла.

Когда случился пожар, нам выделили помощь. Самый высокий кабинет одобрил выплату. Я держала в руках документы, где было написано: «Одобрено». Казалось бы — живи, восстанавливайся, дыши.

Но деньги до меня так и не дошли. Ни после первой жа-

лобы, ни после десятой. Они просто застряли где-то в лабиринтах бюрократии. И я осталась одна — с одобренной выплатой, которая превратилась в бумажку.

Теперь я знаю: система умеет говорить «да» так, что на деле это означает «нет». Но я не сломалась. И теперь строю свой Дом без их помощи.

Часть 33.

Янтарная люстра.

После пожара уцелело немного. Но была одна вещь — люстра. С янтарём. Вся в дыму, в копоти, но янтарная, тёплая, живая. Самое ценное, что осталось от дома.

Приходили люди осматривать помещение. Из служб, из комиссий. Кто-то из них, видимо, разглядел в этой закопчённой люстре ценность. Нищеврод, почуявший наживу. И украл. Просто взял и унёс единственное, что уцелело в огне.

Я не знаю, кто это был. Но знаю, что даже в пожаре находились те, кто хотел забрать последнее. А я — осталась. И строю новый Дом, в котором будет свет — без янтаря, но с душой.

Часть 34.

Богачка после пожара.

Кто-то увидел в закопчённой люстре ценность и украл её. Видимо, думали, что после пожара я — богачка, можно поживиться, что мне кто-то помогает, что я в шоколаде.

А в это время мне отказали в выплате в десять тысяч рублей. Десять тысяч. Которые положены по закону. Просто прислали отказ. Без объяснений. Без жалости.

Вот такая она, «богатая жизнь». Ты теряешь всё, а люди думают, что тебе подали руку. Только руку эту я так и не увидела. Зато видела тех, кто уносил последнее, пока я стояла на пепелище.

Теперь я строю свой Дом сама, без их «помощи». И он будет крепче любого янтаря.

Часть 35.

Двухъярусные кровати и собаки.

Это был цирк. Самый настоящий. Я написала своему звукорежиссёру. Не с просьбой о помощи, а просто чтобы кто-то знал. Прислала фотографию этих двухъярусных кроватей. Территория закрытая. Вокруг — собаки.

И я написала: «Мне очень страшно. Я не могу выйти. Я вообще не знаю, выживу ли я, или меня тут просто разберут».

Да, я так и написала. Потому что это было реально. И в тот момент мне казалось, что это конец.

Но меня вытащили. Нашлись люди. И я снова здесь. Пи-

шу. Строю. Живу...

Часть 36.

Геометка.

Я написала своему звукорежиссёру. Он не стал охать, не стал паниковать. Просто сказал: «Скинь геометку матери».

И всё закрутилось. Собрали людей, чтобы вытащить меня оттуда. Надо отдать должное — вытащили. Позже мой начальник признался: он работал в похожем месте и знал все внутренние правила. Без него, наверное, не справились бы.

Так я узнала, что иногда «просто работа» — это спасённая жизнь. И что лучшие спасения, начинаются с одного сообщения. И с геометки.

Часть 37.

Спасибо вам.

Я до сих пор точно не знаю, кто меня вытащил. Это была огромная группа людей. Звукорежиссёр, мать, начальник, кто-то ещё — они объединились и просто сделали это.

Я им очень благодарна. Потому что, если бы я там осталась, это был бы точно конец. У меня бы просто не осталось моральных сил жить дальше. Совсем.

Но они не дали мне исчезнуть.

Часть 38.

Феномен времени.

Люди перестали брать трубку с неизвестных номеров. Они думают, что их все готовы обмануть. Что каждый звонок — это афера, кредит, угроза. Но в это время кто-то реально горит. Кричит в трубку, просит помощи, пытается дозвониться до родных. А его пропускают.

Потому что «неизвестный номер». Потому что «так безопаснее». Это феномен нашего времени. Мы так боимся быть обманутыми, что перестали слышать живых людей. И однажды, когда помощь понадобится нам самим, мы можем остаться в тишине, полной пропущенных звонков.

Часть 39.

С корабля на бал.

Однажды я устроилась на очень странную работу. Это случилось 13 декабря. А уже на следующий день меня отправили на корпоратив в Казань. С корабля на бал.

Я ещё даже не знала толком, чем занимаюсь, но уже сидела в поезде. Всё было как в тумане: новая должность, новые люди, новый город.

Наверное, это была одна из тех ситуаций, когда жизнь говорит: «Не думай, просто едь». И я поехала.

Часть 40.

Двушка в подарок от мэра.

Мы стояли в очереди на квартиру 20 лет. Мой отец был простым, но очень уважаемым и бедным человеком — учителем. А дед — директором крупнейшего московского завода. Когда отец взял в жёны девушку из деревни, дед и его супруга были в ярости. Несколько лет они не общались. Я даже ни разу не видела свою бабулю Лидию.

И вот, спустя 20 лет жизни в ветхой однушке вчетвером, нам наконец дали ипотеку на двушку в Лианозово. Это был подарок от города. От самого мэра.

А потом эту квартиру увели у моей семьи. Через мошеннические схемы её увёл мой бывший муж — по совместительству трус и домашний боксёр.

Так мы остались без подарка. Без квартиры. Без надежды.

Но не навсегда. Продолжение следует.

Часть 41.

Я не буду мельчать, чтобы вам было удобно.

Либо ныряйте, либо отойдите от берега.

Часть 42.

Дешёвая помада.

Я знаю Надежду с конца 2024 года. С того самого момента прошло уже пару лет. Впервые я встретил её в «Караоке Сингер» — не самое плохое место для Москвы.

Я долго жил в Европе, окончил престижный вуз в Амстердаме. Но с русской фамилией там долго не проработаешь, пришлось вернуться. Сейчас я топ-менеджер банка, чьё название начинается на „С“.

Видел всякое, но таких странных, как Надежда, — отродясь не встречал. И именно поэтому мне было с ней чертовски весело.

Мы пели песню про «Пежо» и «Ты меня не ищи, я страдать и плакать не буду». Как в воду глядели. Всю ночь кутили: рестораны, такси, безумные маршруты. Мне хотелось показать ей, что бывает по-другому. Её первой фразой было: «Я ничего есть не буду, и пить тоже. У меня никогда не хватит денег за всё это заплатить!». Это вызвало у меня лёгкую улыбку: «Расслабься, всё уже оплачено».

Потом я заметил, что её помада «потекла». Она отмахнулась: «Я знаю, она просто... дешёвая». Я, недолго думая, достал телефон и открыл приложение: «Какая марка тебя устроит?». «Givenchy. Le Rouge», — даже не задумываясь, выпалила она. «Отлично», — говорю я и кладу в корзину несколько десятков помад, тушь, «тоналку», духи. Она смотрит на меня квадратными глазами, не понимая, что происходит. «Пиши адрес, куда доставить». Она пишет... пункт выдачи посылок, где подрабатывает. Я сильно смеялся. «Ладно, привезут тебе чуть попозже, сейчас четыре утра».

Никогда не видел у женщины такого ступора. Это разве-селило меня ещё больше. Мы долго танцевали. К тому моменту я так напился, что даже встал на колени и подарил ей цветы. А потом просто отвёз её домой и уехал — у меня в тот день был переезд с Кутузовского.

Она прислала голосовое: «Спасибо. Никто этого не делал для меня. Это очень мило».

А я просто сделал то, что должен был сделать для неё кто-то другой, но так и не сделал.

Часть 43.

Время перестать быть «подающей надежды».

Время стать «имеющей Дом».

Часть 44.

Разговор во Вкусной Точке.

Я приехала расстроенная. Сестра сказала, что дом стоит несколько миллионов. Мечта снова отодвинулась. Зашла во «Вкусную Точку», села, уткнулась в свои мысли.

И вдруг слышу — за соседним столиком разговаривают двое. Спокойно, уверенно. Один говорит: «В детстве ты на хлебник. Потом наёмный работник. А потом — владелец дома». Я замерла. Прислушалась. Они обсуждали какие-то этапы, какой-то путь. Это было так чётко, так в тему.

Я не выдержала и сказала: «Вы интересные люди». Оказалось, они — наставники. Мастера игры. И не только по жизни, но и по шахматам. А я в детстве была чемпионом по шахматам.

Мы поговорили. И, кажется, это был не случайный разговор. Это был знак: дом будет. Всё идёт по плану.

Часть 45.

Благодарность.

Я всегда старалась помогать музыкантам. Покупала биты, поддерживала проекты, отдавала последнее. А когда случился пожар и помощь понадобилась мне — почти все исчезли. Почти.

Но один человек всё-таки помог. Мой преподаватель. Он помог не сильно, не спас, не решил всех проблем. Но его помощь была очень милой, своевременной и искренней. Такой, о которой я вспоминаю с теплом.

Спасибо вам. За то, что не прошли мимо. За то, что в тот момент, когда рушился мир, вы просто были рядом. Это дорогого стоит.

Часть 46.

Как мою машину «угнали» в Сколково.

Приезжаю — машины нет. Вообще. Пустое место. Я в панике: угнали! Звоню в ГИБДД. Там никто не в курсе, но говорят: «Вам стоит заняться поиском самостоятельно».

Мне звонить некому. Отец — лежащий инвалид. Я попросила того, в ком была уверена, что он не откажет. И мы отправились на поиски.

Мы с моим преподавателем по вокалу кружим на его машине по всему Сколково, ищем, нервничаем. Там было какое-то мероприятие, и все припаркованные машины просто убрали. В целях безопасности. Мою — куда-то эвакуировали, и никто не знал, куда.

Уже на выезде я поворачиваю голову — он говорит: «Вообще-то вроде похожа!». Я отвечаю: «Нет, это не она». Но мы вышли — и нашли. Нашли случайно. Около вокзала. Того самого, где поезда. Она просто стояла там, одинокая, ждала нас.

Преподаватель - мне её «прикурил», и мы уехали. Вот так я узнала, что даже машины в Сколково подчиняются расписанию мероприятий.

Часть 47.

Шахматы, в которые никто не играет.

У меня сложный мозг. Правда. Я всегда думала, что люди вокруг плетут интриги, выстраивают многоходовки, играют в свои шахматные партии. Я искала скрытый смысл, пыталась понять их стратегию.

А потом я поняла. Они не играют. Они просто... тупые.

И это, знаете ли, очень отрезвляет. Ты перестаёшь бояться чужих ходов, когда осознаёшь, что никаких ходов нет. Есть только ограниченность и примитивные мотивы.

Так что теперь я играю сама с собой. И, кажется, выигрываю.

Часть 48.

Погоня за телефоном в Сколково.

Однажды я приехала в Сколково на такси. Уставшая, задумчивая, выхожу из машины — дверь закрывается, маши-

на отъезжает. И тут я понимаю: телефона нет. Он остался в том такси.

Я — торможу первую попавшуюся машину. Водитель — мужчина — опускает стекло. Я кричу: «В погоню! У меня телефон там!». Он смеётся и говорит: «Давай, поехали!».

И мы помчались. Догнали то такси. Я вся на нервах, выбегаю — а водитель такси уже сам заметил телефон и ждёт меня с улыбкой. Все смеялись. Я — от того, что всё обошлось. Они — от того, как я тормозила машины и кричала «в погоню».

Вот так в Сколково у меня однажды был свой маленький фильм.

Часть 49.

Тапочки международного образца.

Когда я занималась у своего международного преподавателя по вокалу, у него был особый метод. Нет, не дыхание. Не распевки. Тапочки.

Он снимал их с ног и угрожал мне. Говорил: «Если будешь плохо петь — я в тебя кину». И я пела. Честно. Старалась.

Кинул, кажется, всего один раз. И то — мимо. Видимо, я всё-таки попадала в ноты.

Это - великий педагог. И его тапочки я запомню навсегда.

Часть 50.

Как меня однажды «не узнали».

Решила проверить. Спросила у одного человека: «Помните ли вы меня?». Думала, может, забыл. Может, вылетело из головы.

А он так удивился и говорит: «Это шутка? Как тебя вообще возможно забыть?».

Приятно. Значит, я всё-таки «оставляю след».

Часть 51.

Песня, которую мне почти «продали» за 300 тысяч.

У меня была чудесная композиция. Мы написали её вместе на студии. Я вложила в неё душу, время, силы. А потом этот человек предложил мне... купить её. За 300 тысяч рублей. Песню, которую мы создали вместе.

Это даже не укладывается в голове. Но я запомнила.

Прошли месяцы. Я показала эту песню своей проектной команде. Они послушали и сказали: «Отличная вещь! Почему же вы не выпустили её?». Я ответила: «Это не с моей стороны».

Они: «Ну ладно, забудь просто об этой песне. Мы сделаем лучше».

И я сказала: «Вот за это я вас и люблю». За то, что они не

продают, а создают. За то, что с ними можно идти вперёд.

Часть 52.

Предложение, которое меня почти «сломало».

Я хотела закрыть гештальт. Знаете, такое простое, лёгкое желание — спеть вместе. Без претензий. Без контракта. Без «выпусти меня на великом лейбле». Да хоть караоке.

Я предложила это человеку. Абсолютно безобидно. Думала, он поймёт. Может, даже поддержит. Может, скажет «давай попробуем».

Вместо этого я испытала унижение. Самое настоящее. Меня не просто отвергли — меня втоптали.

И после этого моя жизнь начала рушиться. Не сразу — постепенно. Я просто не могла прийти в себя. Эта реакция, эта неадекватная жестокость выбили меня из колеи настолько, что мир перестал быть безопасным.

Я не просила многого. Я просила голос. И получила шрам.

Часть 53.

«Когда же ты придёшь?»

Первое время эти вопросы вызывали у меня шок. «Ну когда?», «А ты дойдёшь?», «Или она так и не придёт?». Как будто моя фамилия — это обязательство перед миром. Как будто я должна была размножиться на сто лиц и создать великий лейбл из самой себя.

Но я — всего лишь человек. Одна. Я не могу быть одновременно продюсером, артистом, менеджером, бухгалтером, пиарщиком и ещё и «надеждой» для всех.

Поэтому теперь я просто иду. Без обещаний. Без графиков. Без «я должна». И когда придёт время — я спою.

Часть 54.

Альбом, который не случился.

Прямо перед пожаром я планировала выпустить полноценный альбом. Собрала материал, настроилась, была готова. Но кто-то, узнав о моих планах, словно нарочно их разрушил. Мгновенно, без объяснений. Просто взял и перечеркнул.

После этого мне пришлось выпускать серию синглов. Не альбом, а осколки того, что должно было стать целым. А потом случился пожар. Сгорело всё — дом, вещи, прошлая жизнь.

Но самое страшное случилось после. Я впервые в жизни не могла написать песню. Вообще. Просто сидела и понимала: внутри пусто. Я попала в такую нехорошую ситуацию, что даже пожар показался лёгким испытанием. Потому что тогда сгорели стены, а теперь — что-то внутри.

Но я всё равно здесь. И, может быть, альбом ещё случится.

Когда-нибудь.

Часть 55.

Я очень сильно устала.

Не от работы. Не от бессонных ночей. А от ударов жизни. От пожаров. От предательства. От тупорылого молчания в ответ на мои слова.

Я говорила — в пустоту. Я кричала — никто не оборачивался. Я думала, что так будет всегда.

Но я нашла людей. Которые не молчат. Которые отвечают, поддерживают, слышат. И теперь с ними, с теми, кто не бросил, я поднимаю новый лейбл. С чистого листа. С верой. С силой.

Надежда никуда не ушла. Она просто перестала быть одна.

Часть 56.

Где найти продюсера, который не превращается в статую?

Я приходила и говорила: у меня лейбл. У меня двести тридцать пять песен. Давай работать.

В ответ — тишина. Но чаще — каменное лицо и полный игнор. Люди, которые должны знать, что с этим делать, просто замолкали. Превращались в статуи. Которые не говорят?

Понятно, дело не во мне. Просто есть люди, способные только повторять чужое. А есть — готовые создавать новое. И вторых очень мало.

Так что, теперь ищу не продюсера. Я ищу равного. Того, кто увидит 235 песен и не замолчит, а скажет: «Давай сделаем это».

И я думаю, пусть это будет женщина?

Так намного веселее, будем пить Просессо в центре Москвы на балконе по выходным!

Часть 57.

«Всё вспоминаю тебя и твой гектар».

Тот самый таксист, который ворчал про дом в Истре, позже написал мне. Я думала — вещи забыла. Оказалось, нет.

«Всё вспоминаю тебя. Думаю, как ты будешь жить - на целом гектаре».

И знаете, это было приятно. Не вопрос, не насмешка, а почти восхищение. Он запомнил меня — не как пассажирку, а как женщину, которая едет за мечтой.

Так что гектар обязательно будет. И веселая, комфортная жизнь на природе - тоже.

Часть 58.

Цена одной ноты.

Когда я училась у своего международного преподавателя, я очень сильно уставала. Занятия длились полтора часа. Но дорога до них занимала в два раза больше. Три часа туда. Три обратно. Полтора часа — петь.

Я часто мазала ноты. Это когда ты не совсем чётко попадаешь в звук. И это бесит. И ты устала. И кажется — зачем всё это?

Но я ехала. Снова и снова. Потому что знала: мастерство не приходит быстро. Оно приходит через усталость, через «мазню», через долгую дорогу.

И теперь, когда я пою, я помню: каждая чистая нота — это часы пути.

Часть 59.

«Искусственно».

Один не особо умный продюсер сказал, что я пою «искусственно» и «как-то странно». Наверное, он хотел сравнить меня с искусственным интеллектом, не знаю. Но он забыл спросить, сколько я училась.

А я училась 11 лет. Два года в Гнесинке. Шесть лет — международное обучение у профессионалов Universal, у дипломированного специалиста из Швейцарии. До этого — оперная певица, ученик университета РАМ им Гнесиных.

Я потратила годы, чтобы звучать так, как я звучала. И называть это «искусственно» — значит просто не понимать, сколько труда стоит за каждой нотой.

Но я не обижаюсь. Я просто пишу это здесь, чтобы вы знали.

Часть 60.

«Хряпнут сто грамм и поют».

Мой международный преподаватель, специалист из Universal, однажды сказал: «В России все поют одинаково. Хряпнут сто грамм за столом — и поют».

Я смеялась. Но он был прав. В России действительно много «стольных» певцов. А я пришла к нему, чтобы научиться иначе.

Он учил меня не «хряпать», а работать. Не «петь душой», а владеть голосом. И теперь, когда я слышу, как кто-то орёт в караоке после третьей рюмки, я вспоминаю его слова и улыбаюсь.

Спасибо, маэстро. Я пою не после ста грамм. Я пою после 11 лет обучения.

Часть 61.

Разморозка.

После сильных эмоциональных потрясений я застыла. Не физически — внутри. Стала ледяной, хрупкой, неживой. Думала, что уже никогда не оттаю.

Но потом я начала петь каверы. Один за другим. Их уже больше 600. И с каждой песней лёд трескался, сходил слоями. Меня будто размораживали по кусочку. А потом перебрали заново.

Уже другую. Более целую, более сильную, более настоящую.

Эти каверы не просто контент. Они вылечили мою душу. Спасибо музыке, что спасла меня снова.

Часть 62.

Чай, конфеты и объятие.

После пожара я была банкротом. Вообще. Ни денег, ни сил, ни надежды. И я приехала к своему преподавателю — просто чтобы вспомнить свой лучший год. Я знала, что платить за обучение не смогу. Знала, что это, возможно, последняя встреча.

Он сказал, что у него недавно был инфаркт. Что он чуть не умер. Что у него выпали зубы. Что он постарел. Но на мой взгляд — он остался прежним.

Он дал мне пару конфет, налил чай. И, что самое невероятное, — обнял меня. Он, обычно очень сдержанный, суховатый, вдруг просто взял и обнял. Я даже не помню, чтобы он когда-то так делал.

Потом он сказал: «У меня нет времени болтать, у меня урок». Я вздохнула и просто уехала. Но этот чай, эти конфеты, это неожиданное объятие — они были дороже любых денег.

Потому что он меня принял. Такой, какой я была: разби-

той, пустой, но всё ещё ученицей.

Часть 63.

Нули.

Я долго не могла понять, почему одни люди пытаются тебя обесценить, а другие — возвысить. А потом до меня дошло, и всё встало на свои места.

Обнуляют других только те, кто сами — нули. Им нечего предъявить, кроме своей зависти. Они не могут создать ничего равного, поэтому уравнивают всех до своего уровня. До нуля.

Когда мне предлагали купить мою же песню за 300 тысяч — это был мой ценник. Не их. Я — не ноль. И я не позволю никому обнулить меня.

Я — Хранительница. И мой счёт — не на нуле.

Часть 64.

Переобуваюсь в воздухе.

Меня пытаются копировать. Честно. Следят, читают, анализируют, пытаются повторить. Но они настолько не успевают, что это уже смешно.

Пока они копируют вчерашний образ, я переобуваюсь в воздухе. Буквально. Я сама не успеваю переобуться, настолько быстро всё меняется.

И в этом мой главный секрет: я не стою на месте. Я теку, я меняюсь, я пересобираюсь заново, пока они пытаются угнаться за моей тенью.

Так что удачи, копировщики. Вы опоздали навсегда.

Часть 65.

Мой клон, мой трэш.

Из-за моего несчастного образа, из-за моей несчастной жизни кто-то создал клон-проект. Взяли мою песню «Сердечко украдо» — и превратили в «Сердцем забрало».

Это не шутка. Это трэш. Это просто выжимка из моих стихов, перелицованная наспех, без души, без боли, без меня. Они думали, что можно взять чужое страдание и выдать за своё. Но так не работает.

Копия всегда хуже оригинала. А оригинал — вот он, перед вами. И я ещё не закончила.

Часть 66.

Несколько лет абсурда.

Это делал один и тот же человек. В течение нескольких лет. Сначала осторожно, потом всё наглее и наглее. Пока это не достигло границ абсурда: в ход пошли уже прямые цитаты

из моих стихов, названия песен, целые смыслы, вырванные из моей жизни.

Я видела это в личном кабинете, на сайте. Просто смотрела и фиксировала. Молча.

Это даже не воровство в привычном смысле. Это попытка присвоить чужую душу. Но душу невозможно украсть. Она всегда возвращается к своему владельцу.

Так что продолжайте. Я вижу всё. И я помню.

Часть 67.

Самородки без руды.

Они вложили все свои деньги в то, что украли у меня. И прогорели. Их работы вызывают смех, их попытки петь — недоумение. Потому что у них нет ни глубины, ни мастерства. Просто купили фит, нарядились в чужое, вышли — и всё.

Но люди не дураки. Они чувствуют фальшь. Эти горе-артисты уже нарвались на хейт. Потому что простые слушатели слышат разницу между подделкой и настоящим.

Чтобы петь, как я, нужно было 11 лет учиться. У профессионалов Universal. У оперной певицы. В Гнесинке. А они решили, что можно просто скопировать текст и стать звездой. Не получилось.

Я — не самородок, который выскочил из ниоткуда. Я — профессионал. И этого у меня не отнять.

Часть 68.

Кофе и вера.

Мой международный преподаватель говорил, что у меня не такой уж высокий прогресс. Но он знал причину: я была постоянно уставшая. У меня никогда не было денег, потому что я отдавала последние на обучение. Я несколько лет жила

на одном кофе, мало спала и всё равно ехала на занятия.

Прогресс был маленьким — да. Но он сказал мне то, что я запомнила навсегда: «Всех этих, кто с прогрессом, не будут слушать. А тебя — будут».

И я ему верю. Потому что он видел не только мои ошибки, но и мою душу. И я продолжаю петь. Теперь — сытая, счастливая и с благодарностью к тому, кто в меня верил.

Часть 69.

Пармезан для маэстро.

Однажды мои друзья из Италии прислали мне посылку на Новый год, чтобы порадовать. Там был огромный кусок пармезана — грамм пятьсот, двухлетней выдержки. Я даже не попробовала ни кусочка.

Взяла и отвезла своему преподавателю. Не знаю, почему. Я и так платила за обучение, ничего ему не должна была.

Просто захотелось порадовать. В ответ я получила самый неожиданный урок: дарить — это отдельное искусство, которое приносит радость ничуть не меньше, чем получать. Он был удивлён и счастлив, и это было так приятно, что я ни разу не пожалела ни об одном грамме того сыра.

Часть 70.

Цена мечты.

Люди мне завидуют. Но они делают это зря. Все свои возможности я покупала за свои кровные. Теряла машины, квартиры, имущество — только ради одного: учиться у лучших.

Я заплатила 50 тысяч рублей одному человеку просто за номер телефона мастера из Universal. Просто номер! И он сказал мне при этом: «Не факт, что он вообще тебя возьмёт».

Я ответила: «Я не уйду. Буду сидеть под забором и умолять его, чтобы он меня принял».

И принял. Потому что я не сдавалась. И я никогда не жалела об этих деньгах.

Часть 71.

Стыд и честь.

Все годы, что я занималась у международного коуча по вокалу, были, наверное, самыми сложными в моей жизни. Периодически меня лишали работы, и я оставалась без денег.

Но даже в такие моменты мой преподаватель говорил: «Просто ходи бесплатно». А я готова была сквозь землю провалиться от стыда. Думала: такой великий человек, а я смею ходить бесплатно?

И я ускорялась. За месяц находила новую работу и возобновляла оплату. Я не могла иначе. Потому что уважала его труд и уважала себя.

Это были трудные годы. Но они научили меня главному: настоящий профессионал платит за своё развитие.

Часть 72.

Сломанная нога, сломанная душа.

У меня была странная ситуация. Я до сих пор не могу её до конца проанализировать.

В один момент я сильно повредила ногу. Но продолжала ездить на обучение по вокалу каждую неделю. Это был ускоренный период, я не могла пропускать. И со сломанной ногой, преодолевая боль, я занималась.

А потом что-то сломалось внутри. Не кость — душа. От перегрузки, от бесконечной усталости. Я решила временно остановиться.

И как раз тогда я пошла к тому самому продюсеру. С име-

нем, похожим на планету. Просто предложила спеть вместе. От всей этой боли, накопленной за годы. От всего, что я пережила, чему научилась.

Меня отвергли. Просто отвергли.

И после этого я не знала, как жить дальше.

Часть 73.

56 недель.

Пятьдесят шесть недель подряд. Каждую пятницу. Я выпускала по песне. Без перерыва, без выходных, без «не успела». Просто делала своё дело.

И знаете что? Этого никто не заметил. Вообще.

Но я заметила. Я помню каждую пятницу. Каждую песню. Каждый час работы. И этого достаточно.

Потому что теперь я знаю: я могу. Даже когда никто не смотрит, даже когда никто не слушает. Я просто иду вперёд. И однажды это заметят. Но даже если нет — я уже победила.

Часть 74.

Прометей как намёк.

Я серьёзно. Только я принимаю решение: «Всё, хватит, ухожу из музыки» — в эту же секунду происходит что-то невероятное. То Прометей дадут, то с нуля 50 тысяч прослушиваний в месяц откуда-то налетят. Люди приходят — я не знаю, откуда они берутся!

И мне приходится снова открывать ноутбук, лепить новые песни, залетать в эту волну. Хотя я, честно, уже собиралась на покой. Думала: «Ну всё, хватит, 15 лет, я задолбалась, у меня вообще-то есть ещё домашние дела и человеческая жизнь». Но нет.

Как только я говорю «ухожу» — Вселенная такая: «Ага, щас! Держи Прометей, сиди и работай».

Так что, похоже, я не уволюсь с этой работы никогда.

Часть 75.

Зачем тебе?

Однажды мой преподаватель, с которым мы обычно хорошо ладили, задал странный вопрос: «Зачем тебе деньги?».

Я ответила: «А вам зачем?». Он смутился. А я запомнила.

Потому что это не единственный случай. После пожара, когда я перевозила уцелевшие вещи, грузчики спросили: «Зачем вам холодильник?». Я говорю: «А у вас дома холодильника нет?».

Почему-то люди думают, что им иметь деньги, комфорт,

уважение — это нормально. А мне — как будто странно. Как будто я должна страдать и молчать в тряпочку. Но я не обязана. И я больше не собираюсь оправдываться за то, что хочу жить, как все нормальные люди. Иметь холодильник, дом, доход и уважение — это нормально. Для всех. И для меня тоже.

Часть 76.

Моя история в чужой песне.

Я ходила на занятия в класс международного коуча по вокалу. Там занималось много людей с разными историями. И однажды он показал мне одну песню, которая реально выстрелила. Наверное, самую сильную из всего, что я когда-либо слышала от его российских учеников.

Я слушала и понимала: это просто моя история. От начала до конца. Та же боль, те же слова, те же эмоции. Как будто человек снял их прямо из воздуха, из атмосферы, в которой мы все находились.

Но знаете что? Я не почувствовала плагиата. Я почувствовала нечто невероятное. Как будто кто-то дал голос тому, что я носила в себе, но не могла выразить. Это было великолепно.

Иногда искусство — это не воровство, а резонанс. И я была счастлива услышать свою историю в чужом исполнении и понять, что она достойна быть спетой.

Часть 77.

Борщ от маэстро.

Я до сих пор помню, как мой преподаватель, мой международный коуч по вокалу, увидел, что я голодная и холодная. Он ничего не сказал — просто накормил меня борщом. Который сам приготовил.

Это был, наверное, самый вкусный борщ в моей жизни. Никогда не думала, что мужчины так вкусно готовят.

Мой учитель — реально талантливый человек. Не только в музыке, но даже в кулинарии. И этот борщ я запомнила навсегда. Не потому что была голодна, а потому что в нём была забота. А это — самый ценный ингредиент.

Часть 78.

«Ты интересный человек».

Мой преподаватель по вокалу никогда меня не хвалил. Вообще. Ни за что. Никаких «молодец» или «хорошо». Просто работа.

Но в последние дни, он вдруг начал узнавать какие-то факты из моей биографии. И каждый раз был в шоке. А потом сказал: «Ты интересный человек. Очень интересный. Необычный».

И это было важнее любой оценки моего вокала. Потому что этот человек видел сотни учеников. Но именно меня он назвал интересной. Не певицей, не профессионалом, а человеком.

И я запомнила это навсегда.

Часть 79.

Носки «ТВОРИ» и звукорежиссёр.

Однажды я застряла на платформе в Подмосковье — потеряла карту, уехать не на что. Зашла в зал ожидания, а там парень. На носках у него было написано: ТВОРИ.

Я спросила: «Что ж ты творишь?».

Он ответил: «Музыку».

Я говорю: «Я тоже. Можешь помочь с билетом до Москвы?».

Помог. И не только с билетом. Оказалось, он — звукорежиссёр группы. И впоследствии помог мне с парой песен. Чудесный мужик, просто чудесный.

Вот так я узнала, что когда теряешь карту, можно найти целого звукорежиссёра. И мир не без добрых людей. И правильных носков.

Часть 80.

Не мой путь.

Я человек, который всю жизнь пахал. С пелёнок. С 16 лет — на заводе, на алюминиевом. Это была моя первая работа, потому что мне просто нечего было жрать. И я работала, а не мечтала.

И вот однажды я поучаствовала в марафоне желаний. Заплатила 12 тысяч — и мне просто стыдно. Ни одно желание не сбылось. Вообще.

Наверное, это не мой путь. Мой путь — работать. Я верю только в то, что можно пощупать руками и сделать самой. А марафоны... Ну, пусть сбываются у тех, кому они помогают.

Часть 81.

Транзит.

Не знаю, что за транзиты сейчас происходят, но я чувствую, как из меня просто потоком идут воспоминания. Я опустошаю память — и она сама подкидывает эпизоды. Один за другим.

У меня, оказывается, была настолько насыщенная жизнь, что я сама удивляюсь. Почему я раньше об этом никому не рассказывала? Почему молчала?

Ответ прост: время ещё не пришло. Я была занята выживанием. А сейчас — пришло. Сейчас я готова. Сейчас я могу. И я рассказываю. Главу за главой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.